

18+

Макс Ганин

ГИПНОЗ

РОССИЯ. НАШИ ДНИ. I

Макс Ганин

Россия. Наши дни. I. Гипноз

«Издательские решения»

Ганин М.

Россия. Наши дни. I. Гипноз / М. Ганин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606179-8

Молодой парень очнулся однажды утром в лесу и осознал: он не помнит ничего, что произошло с ним до этого момента. В отделении милиции его дело передают опытному специалисту Ольге. После сеанса гипноза, который проводит местных психотерапевт, выясняется, что он богат и за ним тянется какая-то страшная история. Он прекрасно разбирается в оружии, досконально знает структуру ФСБ и лидеров криминального мира. Ольга отправляет описание найденного молодого человека, но в базе розыска такой не значится.

ISBN 978-5-00-606179-8

© Ганин М.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ ШАТУРУ	6
Глава 1. С чистого листа	6
Глава 2. Безмянный больной	15
Глава 3. Бытие Олега	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Россия. Наши дни. I Гипноз

Макс Ганин

© Макс Ганин, 2024

ISBN 978-5-0060-6179-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-6180-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Дожив до возраста Христа,
Я повзростеть умом неспешен.
Судьбой тяжелой неспроста
Я награжден, ведь очень грешен.*

*Порой не верил в бумеранг деяний
И доброту за слабость принимал,
Мог не исполнить данных обещаний,
Обман как образ жизни избирал.*

*В друзьях, знакомых я не разбирался,
Семью задвинул на последние места,
Жил очень ярко – в общем, не стеснялся,
И совесть стала явно нечиста.*

*Но зло вернется адом для злодея,
Добром ответят благодарные порой.
Я не ропщу, ведь жизнь – как эпопея,
А для меня давным-давно милей покой.*

ЧАСТЬ 1. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ ШАТУРУ

Глава 1. С чистого листа

В хвойной чаще восход еле заметен, однако явственно ощущается начало нового дня. Деревья взрослые, высокие, покрытые янтарной слезой стекающей смолы. Лес хоть и старый, но не заросший: деревья стоят широко друг от друга, что позволяет осматривать более ста метров в округе, хотя и не дает возможности оценить, это окраина леса или глушь. Тишину внезапно разрывает птичий гомон: так пернатые реагируют на стоны лежащего молодого человека в черных вельветовых джинсах и темной футболке. На абсолютно белом как простыня лице ярко выделяются два черных пятна вокруг глаз. Ноги, обутые в дорогие ботинки, связаны выше колена белым стекловолоконным шнуром, руки перетянуты на запястьях брючным ремнем. На правой заметно незагоревшее пятно от часов, а безымянный палец левой хранит след от кольца. От мужчины сильно разит спиртным. Его внезапное пробуждение, вызванное сильной рвотой, нарушает идиллию прекрасного теплого утра.

Отползая от места, которое недавно служило ему ложем, мужчина машинально пытается освободиться от пут. Ремень легко поддается, и вот свободные руки устремляются к голове, начиная планомерно ощупывать тело с затылка к носу, затем долго обследуют шею, грудь, живот. Дойдя до колен, он обнаруживает на себе хорошо завязанную веревку. С ней пришлось повозиться, несмотря на несложный узел. И если бы не отвратительное состояние, то мужчина справился бы с ней гораздо быстрее. Еще не до конца ставив с ног веревку, он вскочил и, спотыкаясь, побежал прочь от ненавистного ему места.

Его движения были похожи на панические – мужчина убежал с того места, где ему было так страшно и так плохо. Расстояние, которое он преодолел за первые полчаса, было мизерным. Его больше носило кругами. И вдруг встал как вкопанный, пытаясь различить незнакомый звук, который то нарастал, то удалялся. Но с каждым новым децибелом в его лице появлялось что-то осмысленное, и становилось ясно, что лесной гость начал немного соображать.

«Это самолет!» – Он понял, что это первая дельная мысль, которая посетила его до сих пор большую голову. «Что делать дальше? Куда идти?» – лихорадочно думал он.

В этот момент пришла вторая идея, которую он принял как должное. Точнее, выученная когда-то инструкция, которая в прежней жизни не вспоминалась ни разу. В тексте инструкции, разработанной для американских летчиков, черным по белому было написано, что в случае сбития самолета на вражеской территории необходимо найти скрытое место в низине, которое не просматривается с воздуха и с земли. Следует расположиться там и вспомнить любые сто номеров телефонов для того, чтобы успокоиться и собраться. Все ошибки делаются в первые минуты паники.

Такое место с легкостью было обнаружено буквально через несколько минут – ландшафт это позволял. Расположившись в канаве под поваленным деревом, вокруг которой в изобилии росли кусты, ему удалось немного успокоиться. Дыхание выровнялось, частое подергивание губ прекратилось, руки стали трястись меньше. Голова начинала соображать, глаза различали знакомые растения. Жуткая жажда была слегка удовлетворена красными ягодами, которых оказалось очень много в этой ложбине. Если бы не комары, роem летавшие над ним, можно было принять гостеприимную канавку за самый лучший схрон, где он оказался в данное время.

Вспомнить хотя бы один номер телефона не получалось. Голова была пустой. Пришлось приложить немало труда для концентрации и систематизации своих мыслей.

– Ладно, для начала вспомним хоть что-то... Я мужчина! Я не понимаю, как я тут оказался. Почему я был связан, я не знаю. Но то, что сбежал с того злосчастливого места, это хорошо. Я хочу пить. Эти ягоды, которые я ел, называются... – Тут мозг включил поисковую систему, и нужное слово появилось из подкорки: – ... земляника. Кусают и беспокоят меня комары. – Дальнейшие слова возникали в голове уже без задержки. – Это береза, это елка, сосна, клен, – он обводил взглядом окружавший его пейзаж, но больше не нашел знакомых ему представителей флоры.

Он понимал, что сейчас тепло. На улице, по всей видимости, лето, но какой месяц из трех, а тем более – день или год, он не помнил. Ясно было одно: надо искать выход из леса. Есть ему совсем не хотелось – все еще подташнивало. Но вот пить... пить хотелось очень. Сухость во рту не смогла исчезнуть даже от горстями поедаемой земляники.

Он решил покинуть свое убежище после того, как случайно заметил узкую тропу, которая была плохо видна, но хорошо ощущалась ногами. Слева и справа от нее земля была мягкой и на ощупь неприятной. В какую сторону идти, вопрос не стоял. Назад нельзя – там остались веревка и ремень. Значит, только вперед.

Ноги сами несли его по тропке. Пейзаж редко менялся. Сначала преобладали сосны и елки, затем появилась поросль орешника и молодых березок, а вскоре – труднопроходимые кустарники и поваленные бревна. Он старался держаться уплотненной тропы. Организм настолько привык к темпу ходьбы, неровностям и препятствиям, что глаза почти не опускались вниз для контроля. Появилась возможность осматривать окружающий мир и воспринимать его как что-то новое, приятное и радостное. Казалось, что в повсеместном буреломе, в болотистой местности и в зыбком лесном мраке заключалась особая, сакральная и ни с чем не сравнимая красота. Лесные обитатели, видимо, привыкли к непрошеному гостю и, не обращая на него внимания, занимались своими делами. Птичий гомон, кваканье лягушек, шуршание травы наполняли пространство и радовали слух.

Солнце было в зените, начинала ощущаться сильная жара. Ветра совсем не было, и только лесные тени немного спасали от палящего солнца. Лес начинал редеть, теперь можно было просматривать большие площади. Появлялись полянки, залитые солнцем и красными пятнами ягод. Здесь можно было подзаправиться, немного утолить жажду и отдохнуть. Но комары не позволяли привалу длиться долго. Приходилось снова искать узкую тропинку и продолжать свой путь в неизвестность. По дороге стали появляться искусственные водоемы, заполненные стоячей водой, пахнущей ряской и гнилью. В этих местах комаров сменяли слепни, атакующие новую жертву яростно и беспощадно.

Мужчина не вел счет времени. Во-первых, это было бесполезно, во-вторых, такая мысль не тревожила его совсем. Тем не менее прошло уже восемь часов с момента пробуждения, и чувство усталости стало беспокоить молодого путешественника. Глаза пристальней искали конец леса. Тропка уже несколько раз обрывалась, и ее поиск отнимал и без того растроченные силы. Приближался момент, когда желание лечь и забыться вот-вот победит желание выбраться. Но, на счастье путника, тропа оборвалась поблизости от широкой грунтовой дороги.

Это был новый опыт в жизни человека, который увидел, что в этом мире существуют и другие пути сообщения для передвижения – более широкие и более каменистые. Теперь перед ним стоял сложный выбор – в какую сторону идти: направо или налево. Будучи правой, он интуитивно выбрал правую сторону.

По прямой и ровной грунтовке идти было одно удовольствие. Непроходимая глушь леса тянулась по обе стороны. Приставучие насекомые-вампиры, почувствовав второе дыхание своей жертвы, отстали, понимая свою беспомощность перед человеком, который вкусил надежду близкого конца своего путешествия.

Примерно через час лесной массив закончился. Теперь его путь лежал среди торфяных болот, запах которых растревожил неопытное обоняние скитальца. Счастье выхода из чащи на открытое пространство было недолгим. Палящее солнце и грунт, ставший сплошной пылью, превратили путешествие в новое испытание, в новую борьбу с усилившейся жаждой и нахлынувшей усталостью. Хотелось обратно, в тень деревьев, к полянам земляники и пению птиц. Но путь следования скучно и монотонно тянулся дальше. Вдали стали появляться редкие ветхие деревянные строения, возведенные прямо на болотах.

Вскоре по левой стороне дороги возник дачный поселок с явными признаками жизни. Но это обстоятельство нисколько не взволновало идущего на автомате мужчину, чьи модные фирменные черные брюки теперь напоминали пылесборник. Взгляд его, устремленный только вперед, был пустым и безжизненным. Душевный вакуум, полное отсутствие какой-либо светлой мысли в голове, усталость и желание пить – это все, что на данный момент чувствовало это тело. Да, именно тело – другим словом назвать человека было нельзя.

В одном из крайних домов он угловым зрением заметил пожилую женщину, переливавшую воду из большого ведра в более мелкие емкости. Манящий звук льющейся живительной влаги заставил бедолагу свернуть с проторенной пыльной грунтовки. Перескочив одним махом через широкую канаву, разделяющую проселок с деревушкой, он в несколько шагов достиг калитки и без стука и разрешения вошел на территорию шестисоточного дачного уголка. Бабушка сразу заметила незваного гостя и, как будто прочитав в его глазах единственную просьбу, протянула без слов одну из банок с холодной родниковой водой.

За свою длинную и непростую жизнь она еще никогда не видела, что можно с такой жадностью пить обычную колодезную воду. Дав парню опустошить залпом двухлитровый сосуд, она нарушила тишину вопросом:

– Ты откуда такой пришел?

– Оттуда! – повернув голову в сторону болот, обозначил гость. – А где я? – Вопрос возник словно из ниоткуда и был обращен не к доброй старушке, а так, в никуда.

– Шатурский район, дачный поселок «Садовод». А как ты здесь?..

– Не знаю... А откуда я пришел?

– Там, – показывая в сторону, откуда появился странный человек, – Владимирская область. А тебе куда надо-то?

– А я не знаю ... – отрешенно ответил он. – А куда мне надо?

– Тебе, наверное, в милицию, милок, нужно. А куда ж еще тебе?

– А где это?

– Милиция? Пойдешь дальше по дороге прямо и прямо, пока не упруешься в асфальтовую. Повернешь налево. А там до Шатуры километра три. Ну, а в городе спросишь у кого-нибудь. Иди, сынок, иди! Тебе там помогут.

С этими словами она перекрестила гостя, и еще долго стояла, и смотрела вдаль уходящему странному человеку, который обреченно шел навстречу неизвестности.

Шатура – небольшой районный центр в двух сотнях километров от столицы – печально известна всем москвичам. Каждое лето, когда улицы Москвы заволакивает дымовая завеса, жители обреченно вздыхают, пытаются взять отпуск и поскорее покинуть задымленный город: «Шатура опять горит!» Многие начальники входят в положение астматиков и аллергиков и выписывают им внеплановые каникулы, понимая, что если горят подземные торфяники, то одним днем это не закончится. Еще тяжелее приходится самим жителям районного центра. Бывает, огонь вырывается из-под земли и пожирает не только поля, но и дачные поселки, подбирается вплотную к городу, угрожая тысячам ни в чем не повинных людей. Во времена СССР с торфяными пожарами на востоке Московской области научились бороться и финансировали специальные службы по предупреждению пожаров. Но Союз развалился, и всем стало не до проблем небольшого города с населением в тридцать семь тысяч человек. На них мах-

нули рукой и забыли. Впрочем, про Шатуру не забыли обычные грибники. Несмотря на опасность, это место всегда славилось своими белыми, подберезовиками и лисичками. По утрам на Казанском вокзале сотни сонных людей с корзинами грузились в электрички, идущие в те края. А в голодные постперестроечные годы их были даже не сотни, а тысячи. Оставшиеся без работы кандидаты и доктора наук вспоминали свое детство, проведенное у бабушки в деревне, надевали резиновые сапоги, брали рюкзаки и ведра и спешили на все те же первые электрички. А ближе к вечеру, намотав не один десяток километров по болотам, возвращались в Москву и, потупив глаза, вставали с кучками добытых грибов у переходов и выходов из станций метро.

Пыльная дорога расширилась до шоссе, и на ней отчетливо стали видны следы когда-то проезжавших автотранспортных средств. Цивилизация накрывала постепенно, по мере углубления в поселок. Люди встречались чаще, изредка проезжали старенькие машинки, вдали показался поселковый магазин. От него дорога ушла резко вправо, а прямо вела хорошо утрамбованная народная тропа к остановке автобуса.

Все выдавало середину буднего дня – малочисленность прохожих на дорожках дачно-строительного кооператива «Садовод», полупустая остановка городского транспорта. И только стайка мальчишек на озере, прыгающих в воду с моста, смогла отвлечь усталого путника от новой полученной цели.

К тому моменту, как он достиг асфальтированной дороги на Шатуру, время уже приближалось к полудню. Первое, на что инстинктивно устремил свой взгляд вышедший из леса в цивилизованное общество мужчина, – манящие просторы Шатурского водохранилища, простирающегося на многие километры и в редких местах перегороженного дорожными мостами. Ноги сами понесли его к воде.

Миновав остановку, мужчина перешел ремонтирующийся мост и спустился с небольшого обрыва к месту купания местных дачников. Он разделся и, не обращая внимания на улюлюкание мальчишек и злобный шепот женщин, буквально упал в воду, испытывая несказанные удовольствие и облегчение.

Организм принял воду как родную стихию, руки и ноги сами легли в необходимое положение для брасса. Он плыл быстро и мощно, словно хотел доказать себе и всем окружающим, что он настоящий мужчина. Заплыв продолжался минут пятнадцать, и если бы он не заметил, что выходящий из воды мужик лет сорока одет в плавки, то наслаждался бы невесомостью в приятной ему среде и далее. В этот момент появилось незнакомое доселе чувство – ощущение стыда за свою наготу, которое погнало его обратно к берегу. Перед выходом из воды он задержался, осматриваясь и оценивая, как быстро сможет добраться до своей одежды. Стараясь не привлекать к себе внимания, он выскочил из воды и в считанные секунды натянул трусы на освежившееся и отдохнувшее тело. Теперь можно было перевести дух и обсохнуть.

Смотреть в сторону остановки было неприятно и совестно, мнение же пацанов, сигавших с моста, его мало волновало. Он посидел на «пляже» еще пару минут, неспешно оделся, выбрался на трассу и с новыми силами двинулся в сторону города.

Дорога извивалась перед ним, как змея на болотах, которые он еще пару часов назад форсировал в ожидании конца леса. Теперь цель была другой, и каждый поворот таил за собой возможность входа в Шатуру – место, от которого он ждал очень многого. Через сорок минут ходьбы по раскаленному от солнца асфальту появился очередной песчаный пляж – пустой и притягательный. Тут уже в трусах, без тени смущения и тревоги, он мог наплаваться вдоволь, с удовольствием нырять, фыркать и брызгаться. И это было самой большой наградой за мучения и невзгоды сегодняшнего дня. Жажда прошла, мускулы наливались кровью, синяки под глазами уходили прочь. Теперь он был готов пройти еще столько же – расстояния уже не пугали. И только одна мысль не позволяла получать от жизни полноценное удовольствие: «Что говорить в милиции?» Как объяснять, что с ним случилось? И о чем просить?

Последний отрезок пути был коротким. Вскоре показалась окраина жилого массива. На входе в город стояла огромная, серого цвета, с большими высокими трубами Шатурская электростанция. Хоть она и не смогла не отвлечь путника от его мыслей, но сумела потрясти величиной самого сооружения. Сразу за территорией электростанции начинались городские улицы со старыми двухэтажными домами, похожими на казармы.

Первый же из прохожих был остановлен путником и допрошен с пристрастием по поводу маршрута к милиции. Шесть улиц и пять поворотов привели потеряшку к долгожданному зданию.

Теперь наступал самый сложный момент путешествия. В лесу и на просеке у него была одна цель, после встречи с доброй женщиной появилась другая. Ныне они обе были достигнуты. Дальше – пустота, неизвестность и страх, который надо преодолеть. Но для чего – пока не ясно. В таком состоянии он вошел в новенькое, недавно отремонтированное здание Шатурского ОМВД¹.

Напротив двери было большое зарешеченное окно с надписью «Дежурный». Он просунул голову между прутьями и тихим, уставшим голосом произнес:

– Помогите мне, пожалуйста! Я не знаю, кто я и как здесь оказался... И мне очень хочется пить. Помогите!

Здание управления внутренних дел города Шатуры было большим и в крошечном городке смотрелось помпезно. Особенно после недавнего капитального ремонта, о грандиозности и дороговизне которого поговаривали не только в городе, но даже и в области. Красиво выкрашенный в розовый цвет фасад, новый шикарный кованый забор со столбами, сделанными из дорогого красного кирпича, проходная с автоматическим шлагбаумом, на внутренней парковке – два красавца-джипа рядом со старыми разваливающимися милицейскими УАЗами и парой начавших ржаветь газелей: BMW X5 черного цвета с эксклюзивными литыми дисками и красивой аэрографией принадлежал заместителю по тылу, а светло-синий красавец Land Rover в полной люксовой комплектации был собственностью самого начальника данного заведения.

На втором этаже в комнате средних размеров располагался розыскной отдел. Три сотрудницы сидели напротив нового посетителя и молчали. Каждая пыталась для себя решить, кто перед ней находится. Девчонки были молодыми, в звании лейтенантов, но уже много повидавшими в своей непростой и отважной работе. У каждой в послужном списке были неоднократные осмотры полуразложившихся трупов в стареньком городском морге, изуродованных природой тел после весенней оттепели, ну, а басен от бомжей и алкоголиков они наслушались с лихвой. Но немногословный рассказ мужчины, сидящего перед ними на табуретке, был тем новым и неизведанным событием, которое вводило их в ступор и заставляло задуматься. Переглянувшись, они начали по очереди задавать вопросы.

– В каком лесу ты проснулся-то, помнишь?

– Помню, – спокойно и отрешенно ответил посетитель.

– Показать сможешь? На карте? Хотя на карте вряд ли... Может, поехать на машине...

Тогда сможешь?

– Смогу. – И через мгновение добавил: – Наверное.

– А ты вообще ничего не помнишь? Ну, как тебя зовут-то, знаешь?

– Зовут? – с удивлением спросил он.

– Ну, имя у тебя какое? Вот меня Маша зовут, а это Оксана и Наташа. А тебя как?

– Имя! – встрепенулся он. – Ну конечно же, имя! – В этот момент загоревшиеся глаза его моментально потухли, взволнованное выражение лица сменилось на озабоченное, появился страх и легкая паника. – Нет! Не помню, вообще ничего не помню.

¹ Отдел министерства внутренних дел.

– Ну, а лет-то тебе сколько? – с надеждой спросила Маша.

– Да откуда он знает? – нервно вспылила Оксана. – Он не помнит, какое сегодня число, а ты от него высшей математики добиваешься.

– Ну хоть что-нибудь ты помнишь? – продолжала настаивать Маша.

– Я все помню с момента, как проснулся сегодня утром в лесу, – спокойно ответил безымянный гражданин.

Эта рассудительность передалась молодым сотрудницам, и они, посоветовавшись, решили звонить своему начальнику.

– Михаил Степанович – человек взрослый, опытный и рассудительный. Тебе надо с ним поговорить, – подвела черту под неудачным опросом Маша и начала набирать номер руководства.

Оксана и Наташа приступили к подробному изучению одежды безымянного, записывая в протокол опознания детали его туалета. Поскольку черная дорогая футболка на спине была слегка порвана, то сотрудницы полиции попытались найти ранку от пореза, а заодно и особые приметы на теле, попросив мужчину раздеться до трусов. Затем, обнаружив пару шрамов, помогли одеться и, захватив протокол, всем скопом отправились в другой корпус, к старшему по званию.

Покинув главное здание отдела внутренних дел, группа из четырех человек пересекла улочку и вошла в четырехэтажный дом, где на первом этаже располагались несколько кабинетов оперативной службы розыска. В самом дальнем закутке находился кабинет начальника отдела – майора милиции Прохорова.

– Михаил Степанович, разрешите войти? – спросила Маша.

Майор их ждал. За это время у него возникло несколько версий произошедшего и, соответственно, несколько возможных вариантов их решения. Прохоров был человеком взрослым и практичным, поэтому эмоциональный рассказ подчиненных воспринимал по-мужски, с явным подозрением. Таких историй в его практике было немало. В памяти сразу всплывали ничего не помнившие после недельных запоев алкаши, которые, зарезав своего собутыльника или удушив недовольную жену, ссылались на беспамятство. Или выброшенные из автомобилей водители, которых частенько находили в местных лесах. Ради кражи транспортных средств их оглушали или отравляли. Это мог быть и сумасшедший, сбежавший из дурдома, или уголовник, которому нужны новые документы, а рассказанная «сказочка» должна была послужить прикрытием его преступной деятельности. Опыт подсказывал майору, что разговор будет недолгим. Считая себя хорошим физиономистом и неплохим оперативником, он рассчитывал на два исхода данного дела. Либо в камеру – и колоть до полного признания, либо в сумасшедший дом на освидетельствование. А потом – или снова в камеру, или оставлять тамошним коновалам.

– Присаживайтесь, – громко и властно произнес майор и жестом указал место подозреваемому.

Младший офицерский состав остался стоять, подпирая спинами стену кабинета.

– Ну, рассказывай! – сказал Прохоров с улыбкой человека, которому давно уже все известно и который просто хочет услышать очередную небылицу «для посмеяться».

Слушая немногословное повествование, майор изучал сидящего пред ним человека и ловил себя на мысли, что в этой жизни есть вещи, которых он еще не видел и не знает. От предыдущих версий пришлось отказаться. Все необходимо было строить заново. Привыкший анализировать вслух, особенно в присутствии подчиненных, он первым нарушил молчание.

– Где майку-то успел порвать? – спросил он.

– Не знаю... Может быть, когда по лесу ходил? – безразлично ответил молодой парень.

– А окуляры у тебя откуда такие модные? – указывая пальцем на солнечные очки на носу у мужчины, спросил он. – Дай-ка посмотреть!

– Рядом лежали, в лесу. Меня на них чуть не вырвало. Вовремя рукой их нащупал. А как надел, мир сразу четче показался. Без них я совсем ничего не вижу!

Изучив их досконально, Прохоров понял, что они с диоптриями. «Да, это не одна моя месячная зарплата», – подумал он и вернул очки владельцу.

– Меня зовут Михаил Степанович, я постараюсь вам помочь.

Девчонки переглянулись и тихо заулыбались. Обращение «вы» они слышали от своего шефа очень редко, даже с руководством ОВД майор был на «ты».

– Вот я гляжу на вас и не могу понять, – продолжал Прохоров: – дорогая и модная одежда, новые ботинки, на руках – подобие маникюра. Выглядите хоть и молодо, но очень солидно. Вы сами-то как себя ощущаете? Кто вы?

– Я не знаю. Я не очень понимаю ваш вопрос, Михаил Степанович.

– Ну, хорошо. Вот в машине вы где себя видите? На водительском месте или на пассажирском? Что такое машина, вам объяснять не надо?

– Нет, не надо. Я думаю, мне было бы удобно на заднем сидении.

– Хорошо. Ну а, скажем, где вы живете? В городе или деревне? В квартире или доме? Как по ощущениям?

– Мне кажется, что у меня дом есть. Но не в деревне... Я не могу это объяснить, но точно не в деревне.

– А чем вы занимаетесь? Какая у вас могла бы быть работа?

– Я не знаю какая, но, по-моему, я работаю в городе.

– В каком городе? Большом, маленьком? Какие там дома, высокие или низкие? Может, название улицы? – вцепился ментовской хваткой майор.

– Не помню. Ничего не помню! – ответил собеседник после продолжительной паузы. – А это важно?

– Конечно, важно! Очень важно! Нам хоть какая-нибудь зацепка нужна, чтобы вас идентифицировать. Ладно, я вижу, вы сильно подустали сегодня. Не буду вас далее тревожить. Вот что мне только делать с вами, ума не приложу...

Глаза-буравчики продолжали сверлить проблемного посетителя. Необходимо было принять быстрое, а самое главное – правильное решение. В камеру отправлять его было опасно. Он мог оказаться чьим-нибудь сыном или известным бизнесменом, а еще хуже – журналистом, получившим по башке за громкие статейки. В дурку его везти тоже нельзя – по тем же причинам. Но тогда где же его размещать? Это было основным вопросом на сегодняшний день. Гостиницу ему никто из начальства не санкционирует, а жить и кормить его где-то надо.

– Селиванов! – крикнул майор дежурного по отделу. – Необходимо гражданина доставить на медицинское освидетельствование в больницу. Бери газик и выполняй! Потом доложишь.

– Это в дурку, что ли? Так туда же тридцать километров, а в газике бензина кот наплакал. Новые талоны только завтра дадут... – проинформировал начальство Селиванов.

– А может, его в нашу городскую штурговскую больницу определить, пока суд да дело? А, товарищ майор? – подхватили хором девицы. – Тут и ехать три минуты, и будет у нас под боком. Иначе-то как нам его таскать на опросы? А так мы бы по дороге в морг к нему и заскакивали. Ведь через день туда мотаемся.

Внутренний голос майора подсказывал, что, хоть охраны в городской больнице никакой нет, сбегать чудной клиент никуда не станет. Для постоа лучшего места и придумать было нельзя.

– Ладно, Селиванов, вези его в центральную! Если вдруг принимать откажутся, звони мне, докладывай. Так, теперь с вами... – подняв глаза на девушек, произнес майор. – Ориен-

тировка на него готова? В область и в Москву направили? Базы данных по схожим лицам проверили? А чего стоим, кого ждем? Марш работать! Чтобы к вечеру отчет был у меня на столе!

Последнюю фразу Маша, Оксана и Наташа дослушивали уже в коридоре, торопясь на свои рабочие места. На их лицах играла улыбка. Маленькая победа была одержана: хороший человек, как подсказывали им их женские сердца, был определен в достойное место. Еще одна виктория над безразличием старших по званию, с которым они начали бороться с момента поступления на службу, была одержана. Они были абсолютно уверены, что ответы из соответствующих органов будут свидетельствовать о невинности их подопечного. И эта уверенность окрыляла их.

Подходя к своему кабинету, они услышали непрерывный звонок телефона. Маша схватила трубку – звонил шеф.

– Ты обратила внимание, что у него часов и кольца нет? Внеси это в протокол! А то потом проблем не оберешься. Да, я вот что подумал... Составь подробный отчет и передай его завтра нашему психологу Ольге Викторовне. Она должна вернуться из командировки, пусть это дело на себя и возьмет. Поняла?

– Так точно, товарищ майор! – отрапортовала Маша.

Решение Прохорова насчет психолога было понятным. Ольга была в том же звании и должности, что и он, и в случае возникновения неприятностей все камни полетели бы в ее огород. Но если сегодняшняя находка принесет дивиденды, то Ольгу Викторовну можно было бы легко отодвинуть в сторону и забрать себе все лавры.

В приемном отделении Центральной клинической больницы города Шатуры было людно. Тут осматривали всех: язвенников и травмированных, сердечников и отравившихся, постинсультных и гриппозных.

Дождавшись своей очереди, капитан Селиванов вошел первым, оставив подопечного, потерявшего память, в коридоре. Его задачей было объяснить врачам, что их следующий пациент является клиентом милиции. Стало быть, к нему надо отнестись нестандартно и внимательно. Он рассказал предысторию его появления в ОМВД и передал просьбу руководства. Пациента пригласили на прием.

– Как тебя зовут? – спросил врач-мужчина.

– Я не знаю, – последовал короткий ответ.

– От тебя сильно разит каким-то лекарством. Ты что-то принимал или пил?

– Нет! Меня утром рвало сильно. Может, от этого? Я ничего не помню.

– Ну как такое может быть? Ты, наверное, нас всех разыгрываешь? Давай-ка вспоминай поскорее и не задерживай нас.

Ответа не последовало. Пациент замкнулся, опустил голову и отстранился от беседы.

– А как мы его примем? У него же ни паспорта, ни полиса нет. Я не имею права оформлять его без страховки!

– Я же вам уже все объяснял, – не сдавался Селиванов. – Звоните моему начальству и с ним разбирайтесь! Я его у вас оставляю – и все. Делайте с ним, что хотите! – Капитан подвел итог разговору и вышел прочь из приемного отделения.

Возникшую паузу нарушила врач-женщина. Она подняла трубку и, набрав короткий номер, тихим, спокойным голосом произнесла:

– Неврологическое? К вам тут новый больной поступает... молодой мужчина. Пришлите кого-нибудь, – и, положив трубку, начала заполнять формуляры.

Из огромного количества обязательных данных были внесены только несколько. Над очередными пунктами анкеты она подолгу раздумывала, снова и снова перечитывая вопросы стандартной медицинской карты.

Другой врач в это время нервно ходил по комнате. Он то пристально смотрел на коллегу, то бросал взгляд на молчаливого мужчину, сидящего отрешенно на стуле. Не выдержав, доктор выпалил:

– Не понимаю я вас, Екатерина Ивановна, не понимаю! Милиция на нас свою головную боль скинула, а вы... Как вы этого не видите?

– Вижу, уважаемый Евгений Николаевич, очень хорошо вижу! Но парнишка-то тут при чем? – ответила она так же спокойно и размеренно, не поднимая глаз и продолжая работу по заполнению формуляра.

Надолго это занятие не затянулось, и к приходу медсестры из неврологического отделения документы были готовы: больной N получил официальную прописку и право на медицинское обслуживание. С медкартой и направлением его сопроводили в четвертый корпус, где на первом этаже располагалось отделение неврологии. Пройдя по длинному коридору, где с обеих сторон были палаты для больных, миновав единственный на все отделение туалет, крохотную столовую и помывочную, они достигли двери, на которой была прибитая маленькая деревянная табличка с цифрой 6.

– Это твоя палата будет, – произнесла медсестра и завела новенького внутрь.

Шесть коек, большое окно напротив двери и запах... Запах хлорки, старости и лекарств, который известен каждому, кто хоть однажды побывал в маленькой захолустной больнице. Кровать у окна была свободна. На нее указала рукой медсестра и пояснила:

– Тумбочки у тебя нет, да тебе и складывать-то особо нечего. Ужин давно закончился, так что ложись спать, а завтра завтрак будет в восемь. В общем, осваивайся. Спокойной ночи! – и вышла, оставив новенького наедине с постояльцами.

Все кровати кроме одной были заняты. На одной неподвижно лежал пожилой мужчина после инсульта, следующую занимал забинтованный парень – как оказалось, пожарный, получивший черепно-мозговую травму во время тушения огня и дожидавшийся места в областной ведомственной больнице. Двое других явно были жертвами зеленого змия. Они крепко держались друг друга, и было ясно, что это не первая их госпитализация. Последним по счету соседом был дед – пожилой, но очень бойкий старикан, любитель поговорить по душам и грубо пошутить. Такой человек всегда есть в любом коллективе. И обижаться на него грех, и прогнать жалко. Он-то и взял в оборот незнакомца.

– Чьих будешь, земля? С какого ты района-то? Я тебя раньше не видал.

Сняв брюки, носки и ботинки, новенький лег поверх одеяла и, медленно опуская голову, коснулся подушки. Вдох облегчения вырвался у него. Он перевел дыхание и ответил тихо, но четко:

– Я проснулся сегодня утром в лесу. Ничего о себе не помню. Долго шел и вышел к озерам. Потом дошел до милиции. Они направили меня сюда.

– Слушайте, да он террорист, не меньше! Надо все острые предметы спрятать на ночь. А то с утра проснемся с перерезанным горлом. Надо врача позвать! Он же сумасшедший, его со здоровыми в одну палату нельзя! Я, например, спать сегодня точно не буду! – громогласно – так, чтобы его было слышно даже в коридоре, – произнес дед.

Готовящиеся ко сну соседи так и не поняли, шутит он или говорит серьезно. Конец сомнениям положил ответ новенького:

– Утром проснемся и посмотрим, кто жив, а кто скончался. Утро вечера мудренее, – тихо, но убедительно простонал «террорист», перевернулся лицом к стенке, закрыл глаза и моментально провалился в царство Морфея.

Так закончился первый день жизни, начатой с чистого листа.

Глава 2. Безымянный больной

Среда, 29 июня 2006 года. Московская область, город Шатура.

Подъем в больницах ранний, но сегодняшний день оказался особенным. Вечером по местному кабельному телевидению был показан сюжет о молодом мужчине, найденном в лесу в беспамятстве. Дано его полное описание и продемонстрированы фотографии. Начиная с пяти утра, весь сестринский коллектив неврологического отделения был на ногах. Несколько женщин, разыскивающих своих сыновей, одновременно примчались на опознание из разных районов Московской области. Им пришлось осматривать героя вчерашнего репортажа спящим. Он спал крепко и глубоко. Ни громкие всхлипывания расстроенных матерей, ожидавших увидеть в молодом человеке своего ребенка, ни рассерженные возгласы соседей, разбуженных ранними посетителями, не смогли вывести его из забытья. Только в начале восьмого пятая по счету женщина пробудила его своим прикосновением. Ей очень хотелось повернуть парня от стены и осмотреть его лицо: посетительница очень надеялась, что он окажется тем самым близким и любимым. Она разыскивала мужа, который совсем не подходил под описание, данное по телевизору, и тем не менее она приехала из другой области – на всякий случай.

– Нет, это не он! – огорченно произнесла постаревшая от горя супруга медсестре, сопровождавшей ее по отделению. – Я уже два года мужа ищу. По всем больницам езжу в надежде, что найдется. Все глаза выплакала, в отчаянье несколько раз впадала, а как услышу, что где-то неопознанный нашелся, еду, не задумываясь. И буду ездить!

Она медленно дошла до двери, остановилась на мгновение, вытирая слезы, а потом резко повернулась и, улыбаясь, пожелала:

– У вас будет все хорошо! Знайте, вас ищут и обязательно найдут! Это дело времени. Будьте здоровы.

– Спасибо большое! – сонным голосом ответил безымянный больной, который не понимал, что происходит.

Медсестра с женщиной покинули палату. Соседи обступили новенького и, перебивая друг друга, стали закидывать вопросами. Получая короткие и однозначные ответы, они строили свои версии произошедшего, спорили о возможном месте его пробуждения в лесу, предлагали свои варианты развития событий. Дед, который еще вчера обзывал его террористом, сегодня был мил и благодушен. С ходу он подарил соседу новенькую зубную щетку и предложил пользоваться своими туалетными принадлежностями без спроса.

Настроение неопознанного поднималось. Душевное равновесие и спокойствие сменилось ощущением, что все складывается неплохо. По крайней мере, сегодняшнее утро было намного лучше вчерашнего. Сравнить с чем-то другим он не мог. Память за ночь так к нему и не вернулась.

Огорчение пришло внезапно. Эмоциональное состояние моментально ухудшилось, в голову полезли дурные мысли. Это было реакцией на шутку того же деда, который в свойственной ему манере вообразил, что «если новенький зарезал кого или застрелил, а от этого у него «крышняк потёк, то все быстро выяснится и его арестуют! Поэтому ножи можно больше не прятать».

Мысль о том, что прошлое может оказаться не таким безобидным или даже криминальным, терзала его и мучила. Появлялся страх перед воспоминаниями. Не хотелось даже думать о прошлом. Он отогнал эти мысли прочь и решил жить сегодняшним днем, а сегодня по порядку был завтрак – первый в его новой жизни, а на завтрак неумытыми не ходят!

После принятия пищи предстояла встреча с главным и единственным врачом отделения, от которого отчасти зависела возможность нахождения безымянного больного в этой больнице. Этим врачом оказалась женщина средних лет с твердым, мужским характером, доставшимся

ей в наследство после работы в психиатрической лечебнице. Она, как и большинство жителей Шатуры, смотрела родное кабельное телевидение, так что сюжет о выходе из леса не прошел незамеченным. Но она и представить себе не могла, что увидит воочию героя сюжета, да еще у себя в отделении.

С утра у заведующей состоялся неприятный разговор с майором полиции. Представитель правопорядка требовал, чтобы нахождение пациента в стенах больницы было гарантированно долгим, дабы у полицейских была возможность беспрепятственно предъявлять его на опознание, не ограничивать передвижение, но при этом отвечать за его безопасность. Эти требования нарушали сразу несколько инструкций и уложений, поэтому никак не могли быть приняты. Да и само нахождение неопознанного человека могло оказаться опасным не только для ее пациентов, но и для медперсонала. От нее, как от единственного психиатра в больнице, требовалось установить вменяемость больного, его физическое и нервное состояние. А самое главное – понять, врет он или нет. Для выполнения данной задачи требовался долгий и обстоятельный разговор. Доктор начала готовиться к нему загодя, составляла план и опросник. И чем больше она думала о предстоящей беседе, чем больше впечатлений от медсестер отделения и соседей новенького по палате выслушивала, тем больше в ней росла уверенность, что к первой встрече с пациентом она не готова. Звонок из милиции с просьбой срочно доставить нового подопечного к психиатру из поликлиники на осмотр сильно ее обрадовал. Предполагаемая новая информация могла оказаться не лишней, к тому же появлялась возможность разделить ответственность с коллегой. Поэтому разговор она разумно отложила на вечер.

В десять часов утра в палату номер 6 постучалась Ольга Викторовна. Ее появление сразу наполнило больничную серую жизнь яркими красками, приятными запахами и лучезарными улыбками. Не было ни одного мужчины, который не обратил бы на нее внимания. Засуетился даже парализованный инсультник, прикованный к кровати. В свои сорок с небольшим Ольга уже стала майором милиции. Она была на хорошем счету в отделе, к ней даже прислушивалось руководство, что довольно редко случается в МВД². В дополнение к майорской звездочке Ольга Викторовна успела нажать двухкомнатную квартиру в Шатуре, двоих сыновей и мужа.

Своей статью и зрелой красотой она притягивала к себе внимание даже безусых пацанов. Ольга впорхнула в жизнь безымянного человека на крыльях, удивляя, маня и успокаивая. Ей хотелось верить, за ней хотелось идти, ее необходимо было слушаться. Разговор завязался просто и непринужденно.

– Давай сразу на «ты»? – предложила с ходу Ольга. – Не возражаешь?

– Конечно, нет! Мне «вы» как-то даже слух режет. На «ты» намного удобнее.

– Как ты себя чувствуешь? Как прошла ночь? Удалось ли что-нибудь вспомнить?

– Спасибо, все хорошо. Прекрасно спал, только с утра какая-то женщина приходила и долго меня осматривала, но оказалось, что я не тот, кто ей нужен. Кормили вкусно. Сейчас жду встречи с лечащим врачом. Говорят, она очень злая. Да, и вспомнить пока ничего не получается.

– Не страшно! Я штатный психолог здешней милиции и теперь курирую твоё дело. Так что нам вместе предстоит серьезно поработать. Нужно же тебя найти в этой жизни? Мне Маша с Оксаной порассказали кое-что, но многое осталось непонятным. Ты не возражаешь, если мы вместе попробуем найти ответы на все вопросы?

– Я готов, хотя, если честно, немного боязно, – ответил он и рассказал о своих утренних переживаниях.

– Вот для этого я и хочу познакомить тебя с одним доктором. Она работает в поликлинике неподалеку от больницы и обладает необычным даром – умеет делать гипноз. Ты знаешь, что такое гипноз?

² Министерство внутренних дел.

– Да. Это введение человека в транс или глубокий сон путем подавления его воли. В этом состоянии гипнотизер может управлять разумом человека, – отбарабанил, как на экзамене, безымянный.

Это объяснение удивило Ольгу. В дополнение к рассказу майора Прохорова о том, как вышедший из леса парень цитирует инструкцию для американских летчиков, данный ответ создавал больше вопросов, чем ответов.

– Ты не возражаешь, если она проведет над тобой свой гипнотический сеанс? Я обязана тебя об этом спросить, потому что без твоего согласия мы это сделать не имеем права!

– Ну, хуже, чем сейчас, мне все равно не будет, – наивно предположил безымянный. – Поэтому я согласен.

– Тогда пойдем! – предложила она, улыбаясь. – Надеюсь, к обеду я тебя верну обратно в палату.

Центральная городская поликлиника города Шатуры представляла собой трехэтажное здание постройки середины семидесятых годов. В то время государственные учреждения строились по единому проекту из железобетонных блоков. Глаз обывателя мог радовать только цвет и качество покраски, но и это было выполнено по стандартам распавшейся империи. Одно бросалось в глаза – качественное благоустройство территории.

Маленькие провинциальные города стремятся отвлечь гостей от своей убогости чистой и выкрашенными фасадами главных улиц. Дачный сезон здесь давал о себе знать: пустые коридоры медицинского учреждения, отсутствие большей части персонала и тишина. Граждане пропадали на прополке своих огородов. Война за урожай не признает чинов, не разделяет на больных и врачей – здесь все равны.

На втором этаже находился кабинет психотерапевта Евгении Николаевны Волиной. О ней ходили разные слухи, в том числе о владении гипнозом и чтению чужих мыслей. Мало кто в это верил, особенно в милиции, однако многим хотелось проверить ее дар в деле. А тут как раз представилась такая возможность.

К ней и торопилась попасть Ольга со своим подопечным, а хозяйка кабинета ждала гостей с нетерпением. Рано утром ее посетил симпатичный майор милиции и рассказал о необычном происшествии в их районе. Случай Волину заинтересовал, и она не находила себе места. Для врача это была прекрасная возможность еще раз испытать свой метод на добровольце и, в случае успеха, утереть нос недоброжелателям. Ну, и лишний раз прославиться на весь город. Она начала готовиться ко встрече с раннего утра, создавая в комнате необходимую атмосферу. Плотные зашторенные окна, тусклый свет от настольной лампы, запах благовоний и свежая простынка на высокой массажной кушетке, приспособленной для процедуры введения в транс, создавали необходимый ореол таинственности. Все это должно было произвести впечатление на пациента и сотрудника правоохранительных органов.

– Добрый день, Евгения Николаевна! Вот и мы, – произнесла Ольга при входе.

За ней в дверь вошел молодой человек, лицо которого Волина видела вчера по телевизору.

– Здравствуйте, здравствуйте! – широко улыбаясь, ответила врач и жестом пригласила своих гостей войти.

– Вот тот самый человек, о котором я вам рассказывала. Он согласился на гипноз, и мы вас очень просим помочь нам восстановить пробелы в его памяти. Я написала для вас список вопросов, в том числе и тех, которые интересуют милицию. Все остальное – на ваше усмотрение.

Волина взяла мужчину за руки и усадила на кушетку. Он был настолько высок, что даже сидя смотрел на нее сверху вниз. Пристально глядя в его серо-зеленые глаза, она не переставала улыбаться. Улыбка была доброй и радушной. Убедившись в отсутствии фальши, пациент улыбнулся ей в ответ. Контакт был найден. Теперь можно было продолжать дальше.

– Ложись поудобнее на эту кушетку, закрой глаза и постарайся расслабиться. Я к тебе подойду чуть позднее. Отдыхай пока... – сказала она и уединилась с Ольгой в глубине кабинета для обсуждения списка вопросов.

Это заняло немного времени, и вскоре они вернулись. Волина поставила стул у изголовья и начала процедуру. Было видно, что она волнуется больше всех в этом кабинете.

Волнение шло из подкорки и было вызвано плохими предчувствиями, но не страхом, что гипноз не получится, – в этом она не сомневалась. Внутренний голос предупреждал ее о возможной опасности, но, переборов свои страхи, она все же приступила к процедуре.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– У тебя есть чувство дискомфорта?

– Нет.

– Тебе удобно лежать?

– Да.

Необходимо было задавать простые вопросы с односложными ответами. Получив еще несколько подобных реплик, она перешла к погружению в гипноз.

– Ты расслаблен, ты абсолютно расслаблен. Твои веки тяжелые, очень тяжелые, – тихим поставленным голосом она продолжала вводить пациента в транс. – Я буду считать до ста. Один. Два. Три. Твое тело погружается... – Несколько минут в полумраке комнаты был слышен только ее голос. Она говорила все тише и тише. – Девяносто восемь, девяносто девять, сто.

И вот послушные ее воле тело и разум молодого мужчины были готовы к допросу. Призывая Ольгу в свидетели, она еще раз проверила, крепко ли спит ее пациент, и продолжила.

– Ты меня хорошо слышишь?

– Да.

– Что ты чувствуешь?

– Мне тепло.

– Тебе это приятно?

– Очень!

– Я буду задавать приятные вопросы, и ты будешь чувствовать себя все лучше и лучше.

Итак, как тебя зовут?

В воздухе повисла пауза. Пациент молчал и не собирался отвечать на этот вопрос. Волина выждала еще десять секунд и продолжила.

– В каком городе ты родился?

– В Москве, – ответил безмянный после короткого интервала.

– На какой улице ты живешь в Москве? – Волина продолжала читать вопросы, принесенные Ольгой.

– На улице Горького.

– В каком доме? В какой квартире?

Снова молчание. Лицо испытуемого не менялось, но по всему было ясно, что он не знает ответа на этот вопрос.

– Хорошо, – продолжила Евгения Николаевна. – Ты помнишь свою школу?

– Да! – ответил он, и на его губах появилась еле заметная улыбка.

– Какой номер твоей школы?

– Тридцать один.

– А как звали твою учительницу? Или друзей?

Молчание. Улыбка исчезла. Необходимо было двигаться дальше. На все вопросы, связанные с семьей и местом проживания родителей, не было получено ни одного ответа. Адрес работы, имена сослуживцев, друзей и любовниц также были неизвестны. Пришлось импровизировать с вопросами, и это дало свои плоды.

- Что видно из окна твоего кабинета на работе?
- Глобус.
- Что-что? – ухватилась Волина за первый после долгого молчания ответ.
- Большой глобус.
- А где этот глобус находится?
- На здании.
- На каком здании?
- Напротив офиса, – спокойно и рассудительно отвечал безымянный.
- А чем ты занимаешься на работе? – продолжала Волина.
- Шереметьево, – четко произнес он.
- Твой бизнес связан с аэропортом Шереметьево?
- Да.
- А что именно ты делаешь в аэропорту?
- Автобусы.

Из-за односложности его ответы были настолько неясными и путанными, что пришлось переходить к другому методу опроса. Ольга записывала каждое слово, сказанное ее подопечным. Ответы были непонятны и ей, они порождали новые вопросы, которые она в паузах пыталась быстро писать на обрывках тетрадных листов и передавать Волиной.

– Расскажи мне, что ты видишь у себя в кабинете? Какой он?

– Он большой и длинный, – тихим голосом начал повествование пациент. – У меня большой стол и много стульев. На столе два больших монитора. Шкафы с папками. Справа от стола маленький столик. На нем стоят два монитора и клавиатура от «Рейтера».

– А это только твой кабинет? Или с тобой еще кто-нибудь сидит? – с большим интересом спросила врач.

– Нет, только мой!

– А кто в соседнем кабинете? – прочитала вопрос, переданный Ольгой, Волина.

– Секретарша и охрана.

– Твоя охрана?

– Да, моя.

– Ты говорил, что живешь за городом в доме. Где это?

– Успенское. Там моя дача.

– А номер дачи какой?.. – Пациент молчал. – Или цвет дома? – Ответа не было. – Что у тебя на даче есть?

– Бассейн есть. А цвет дома – голубой.

– Бассейн? А какой он, большой или маленький? На улице или под крышей?

– Большой бассейн. Прямо в доме, рядом с сауной.

Его ответы были настолько четкими и уверенными, что казались правдивыми. Информации для начала розыска было достаточно, но хотелось точного понимания, где находится это Успенское. Поэтому Ольга тихо, шепотом попросила Волину развить эту тему.

– У тебя на даче речка есть?

– Есть.

– А как называется?

– Москва-река.

– Там лес или поле?

– Сосновый лес.

– А рядом город какой-нибудь или поселок есть?

– Да. Николина Гора.

Этот ответ поразил женщин как гром среди ясного неба. Поселок Николина Гора располагался на той самой хорошо всем известной Рублевке – недалеко от Москвы, где проживали

богачейшие и влиятельнейшие люди России. Иметь дом на Рублевке могли единицы – из-за заповедной дороговизны и важности этой правительственной трассы. Подтверждением статуса в этой жизни, успешности и материального благосостояния был дом на Рублевском шоссе.

Каждая задумалась о своем: Евгения Николаевна – о том, что известность, о которой она так мечтала, пришла откуда и не ждали, а Ольга размышляла, что дело начинает сулить ей совсем не благоприятные последствия. Ответы на следующие вопросы, которые из любопытства решила позадавать Волина, и вовсе повергли дам в тихий ужас.

– Скажи мне, вот ты такой молодой... Откуда у тебя все это: дом с бассейном, охрана, секретарша? Может, тебе кто помогает в жизни?

– Да, помогает! Олег Викторович.

– Кто такой Олег Викторович? Твой родственник? Друг?

– Да. Он генерал. Заместитель директора ФСБ.

Мурашки пробежали по телу Ольги. Такого поворота событий она никак не ожидала. Допрос необходимо было немедленно заканчивать. Она опасалась, что рьяно взявшаяся за дело Волина вытащит из этой головы еще более страшные тайны, которые приведут к непоправимым последствиям.

– Хватит! Возвращайте его обратно! – громко и властно произнесла Ольга, обрывая следующий вопрос гипнотизерши.

Евгения Николаевна, понимая, что натворила что-то страшное, начала возвращать безмянного в сознание. Чем быстрее он приходил в себя, тем скорее Волина понимала, что ее мечты о славе испаряются, как дым. Эту догадку подтвердила и Ольга Викторовна.

– Вы понимаете, что все то, о чем вы здесь услышали, необходимо забыть навсегда? Это небезопасно как для вас и меня, так и для него! Я очень на вас полагаюсь. Надеюсь, мне подписку о неразглашении брать не придется?

Волина была бледна и взволнована. Она кивала в ответ, постоянно повторяя: «Конечно, я вас прекрасно понимаю! Конечно...» Эту сцену застал пробудившийся ото сна мужчина. Он не понимал, что произошло, но чувствовал, что случилось что-то неприятное. Заметив это, Ольга подошла к нему и резюмировала все то, что происходило в его отсутствие.

– Ты сказал, что живешь в Москве на улице Горького, учился в тридцать первой школе, у тебя есть дача голубого цвета и твоя работа связана с аэропортом Шереметьево. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Нет! Я ничего такого не знаю и не помню, – расстроенно сообщил безмянный.

Этот рассказ должен был оставаться официальной версией информации, полученной в результате гипноза. Поэтому Ольга еще раз перед уходом пристально посмотрела на психотерапевта и повторила вопрос:

– Вы все поняли, Евгения Николаевна?

– Да, конечно! Вы можете на меня полагаться, – преданно глядя в глаза, ответила Волина. Ей было уже не до улыбок: она пыталась соорудить радостную гримасу для мужчины, что ей совсем не удалось.

Дорога до больницы прошла в молчании. Безмянному необходимо было проанализировать новую информацию о себе и попытаться разыскать в своей памяти похожие моменты. Ольга тем временем была занята решением дилеммы, которая возникла после визита к злощастному гипнотизеру: сразу отказаться от дела, а потом передать новому исполнителю появившуюся информацию – или доложить обо всем руководству и после этого отказаться. Разглядывая своего попутчика, видя, как он неоднозначно воспринял новое о себе, она отбросила страх и вместо разума обратилась к чувствам – эмоциональным процессам, которые развиты у каждой женщины намного лучше. Ее сердце и внутренний голос подсказывали, что все сложится хорошо, что она не имеет права бросать в беде этого молодого человека. Успокоившись, Ольга решила посоветоваться с заведующей отделением больницы. Та больше пони-

мала в психиатрии, гипнозе и прочих нюансах, поэтому могла дать дельный совет и профессиональное заключение по произошедшему в поликлинике. Рассказывать все Ольга, естественно, не могла, но большую часть требовалось выдать.

Войдя в неврологию, Ольга поинтересовалась у сестер на месте ли заведующая и, получив утвердительный ответ, направилась к ее кабинету. Мужчина шел за ней как привязанный. Возле двери с номером 6 она остановилась и нежным, но требовательным голосом произнесла:

– Иди в палату и готовься к обеду. Потом отдохни как следует, а вечером я к тебе обязательно приду. Мы с тобой большие молодцы! Мы сделали огромное дело. Я не прощаюсь! До встречи!

Эти слова отвлекли его от плохих мыслей, успокоили и заставили убрать неприятный осадок от визита к психотерапевту. Он улыбнулся ей в ответ и, пряча глаза, сказал:

– Я буду очень вас ждать! Спасибо.

Ответ окончательно и бесповоротно отменил ее решение отказаться от дела. «Это мое дело! И я доведу его до конца, чего бы мне это ни стоило! И я не дам этого несчастного парня в обиду!» С этими мыслями Ольга без стука вошла в кабинет заведующей и плотно прикрыла за собой дверь.

В маленьком и очень уютном кабинете было светло. Через большое окно, наполовину занавешенное прозрачным тюлем, пробивался солнечный свет, а через открытую настежь форточку проникал свежий воздух с запахом скошенной травы. Немногочисленная мебель была расставлена оптимально для работы и отдыха хозяйки. Книжные полки были заняты литературой по психиатрии и неврологии, истории болезней аккуратно стопкой размещались на широком столе. Рядом стоял высокий двухстворчатый шкаф, в левой половине которого на вешалках висели халаты и пара платьев, а правая была забита полностью архивными документами неврологического отделения, брошюрами и медицинскими журналами. Все было аккуратно разложено по отсекам. Отдельную полку занимала кипа листов недописанной докторской диссертации. В дальнем углу стояла кровать, накрытая симпатичным бежевым пледом. Однорожковая люстра и большая настольная лампа выдавали в хозяйке любительницу тусклого света. Все говорило о том, что обительница кабинета проводит здесь большую часть своей жизни.

Разговор Ольги с Еленой Николаевной продолжался почти час. Они сразу нашли точки соприкосновения. Двум женщинам одного возраста с разными судьбами, но схожими жизненными платформами всегда найдется о чем поговорить. Амбициозные по натуре и скромные на людях, как правило, конфликтуют с начальством. А душевная доброта при внешней строгости мешает жить в мире хамов, подлецов и прохиндеев. Множество схожих черт в характерах объединили женщин, а две рюмочки медицинского спирта сдружили их окончательно.

Выслушав эмоциональный рассказ психолога из милиции, Елена Николаевна сделала главный и неутешительный вывод.

– Ты понимаешь, что этот человек очень опасен? Тут явно не обошлось без спецслужб! Неизвестно, чем они его там накачали, что он потерял память напрочь. Теперь это бесспорный факт. Они же его искать будут! Для чего-то им это было надо?

– Ты права! Я понимаю, что эта история может очень плохо закончиться. У меня и у тебя дети, и мы, естественно, за них очень боимся. Но ты только подумай, у него же тоже есть мать! Ты представляешь, что сейчас с ней происходит? Мы обязаны сделать все от нас зависящее: я – чтобы ее найти, а ты – чтобы его сохранить. Не надо докладывать ничего нашему руководству и распространяться родным и близким. Только так мы сумеем его спасти. Давай совместно выработаем версию для окружающих, не вызывающую бурного интереса к его персоне.

– А что тут придумывать? Паренек потерял память от удара по голове. У него сильное сотрясение мозга и проблемы с моторикой, которые я зафиксирую. И на основании этого я смогу держать его у себя в неврологии.

– Мое начальство настаивает на развернутом анализе крови, – обреченно сказала Ольга. – Ты только представь себе, что начнется, если эти анализы подтвердят нашу с тобой догадку...

– Никаких анализов! Недели две у него кровь вообще нельзя брать! Это я возлагаю на себя. Лучше потом отвечу перед руководством, чем этот мальчик поплатится жизнью.

Они выпили еще по рюмке спирта и тем самым скрепили свой договор. На душе у каждой воцарилось спокойствие. Дамы были уверены друг в друге и счастливы, что нашли правильное решение, которое позволяло смело смотреть в глаза завтрашнему дню. Роли были расписаны, ответственность – разделена. Первую половину дня за пациентом должна будет следить доктор, после обеда всю ответственность на себя принимала Ольга.

– Надо бы ему имя какое-нибудь придумать! А то «безымянный» или «неизвестный» в отчетах будет очень мозолить глаза, – внесла предложение Елена Николаевна. – Я с ним сегодня обязательно поговорю на эту тему. Да, ты ему вечерком принеси туалетные принадлежности, полотенце и вещей каких-нибудь, а то он в грязном ходит второй день. У нас и постирать-то негде.

– У меня муж его размеров, так что найду и штаны, и футболки, а может, и кеды какие подойдут. Вечером после работы все принесу.

– Ты ему фруктов купи, ему сейчас витамины необходимы. Да и колбасы с хлебом тоже принеси. У нас сама знаешь как с питанием в больнице – голодно, – сказала Елена Николаевна, достала из сумки деньги и передала их Ольге. – Бери и не отказывайся! Это моя половина. Мы теперь с тобой для него две «мамки» – до тех пор, пока настоящая не найдется. Иди и ищи ее как можно быстрее, потому что время работает против него!

На этом и попрощались. Проводив свою новую подругу до проходной, заведующая пошла к главному врачу больницы – выполнять свою часть договора, а Ольга отправилась в милицию – выполнять свою. Их новоиспеченный «сынок» в это время спал крепким послеобеденным сном и даже не догадывался о том, каким опасностям он подвергал двух ни в чем не повинных женщин.

В шесть часов вечера стало уже не так жарко. Хотя солнце еще высоко стояло над деревьями, прохлада начала проникать в затемненные уголки дворов и улиц. Знойное лето, обрушившееся на Шатуру в последние недели, доставляло неудобство не только людям. Птицы днем старались прятаться от палящих лучей в листве парка, а к вечеру выбирались из своих убежищ и приступали к концертам авторской песни.

В это время начинался прием посетителей в больнице. Многочисленные члены семьи и друзья, выполняя долг перед хворыми родственниками, заполняли палаты медицинского учреждения. Кульки с едой, газеты и журналы менялись на пакеты с грязным бельем. Шушуканье по углам чередовалось с громким смехом, их сменяло всеобщее чавканье. Тяжело наблюдать за счастьем и радостью других, когда ты точно знаешь, что к тебе никто не придет. Эти мысли выгнали безымянного больного на улицу. Рядом со входом в отделение стояла пустая лавочка, нагретая солнцем. Он присел, закрыл глаза и с удовольствием подставил лицо теплым лучам. Они ласкали кожу и уже совсем не жарили. Ничто не тревожило его с момента прощания с добрым психологом в форме майора. Пернатые, как будто почуяв место вселенской идиллии, слетелись и заняли стоявшие рядом деревья. Эфир наполнился незабываемыми звуками птичьих голосов. Безымянный отметил про себя, что вчера в лесу недооценил божественную музыку этих прелестных созданий, и теперь в обстановке спокойствия мог насладиться этим вдоволь.

Рядом кто-то присел. Глаза совсем не хотелось открывать, и он сделал вид, что не заметил присутствия постороннего. Тот же, в свою очередь, закурил, жадно затягиваясь. Воздух наполнился дымом, а неприятный запах заставил безымянного открыть глаза и повернуться к соседу по лавке.

– Курить будешь? – спросила заведующая отделением и протянула пачку сигарет.

– Нет, спасибо! – категорично ответил он, слегка скривившись от пущенной в его сторону струйки сигаретного дыма.

– Ты не куришь, что ли? – тихим голосом поинтересовалась она.

– Я думаю, что нет. По крайней мере, запах отвратительный.

Она сделала еще две глубокие затяжки, затушила сигарету о лавочку и громко предложила:

– А давай мы тебе какое-нибудь имя придумаем? А то как-то безымянным тебя называть надоело. Мне очень нравится имя Васька. Как ты смотришь на то, чтобы мы тебя Васькой называли?

– Нет! – строго ответил он. – Я точно не Васька! Не могу я такое кошачье имя носить. Не мое это!

– Тогда предложи что-нибудь сам. Какое имя тебе больше подходит?

Он задумался на пару секунд и произнес первое мужское имя, пришедшее ему на ум:

– Олег! Называйте меня Олег. Это имя, по-моему, мне подходит больше всего.

– Ну, вот и отличненько.

Она встала, взяла его за руку и повела за собой к сестринскому посту. Из-за пересменки вокруг небольшого стола, стоящего по центру длинного коридора, толпились сестры. Одни, заканчивая вахту, торопливо сдавали дела, другие нехотя их принимали. Подойдя поближе, заведующая громко объявила:

– Знакомьтесь, девочки! Это наш новый пациент. Его зовут Олег. Прошу любить и жаловать!

Глава 3. Бытие Олега

– А, безымянный? Давай присоединяйся! – громким голосом и в присущей ему манере приглашал к импровизированному столу, составленному из нескольких тумбочек, вошедшего в палату дед. – Жена пожрать сгоношила. Налетай скорее, пока эти «временно не алкоголики» все не сожрали! Раньше пили как подорванные – теперь жрут как не в себя! – продолжал старик, косясь на других членов застолья и грозя им кулаком.

– Спасибо большое, но мне не хочется! Да и ужин только недавно закончился.

– Слюни, размазанные по тарелке, которые они называют овсянкой, и теплую водичку, подкрашенную йодом, которую ты наверняка принял за чай, называешь ужином? Брось! Ты мужик! А мужику необходимо мясо! В крайнем случае – колбаса... Давай присоединяйся! – не отставал от новенького дед.

– Нет. Нет! Спасибо еще раз, но мне совсем не хочется. Я действительно наелся, – ответил Олег и встал у двери, не зная, куда ему деваться.

Рядом с его кроватью пировали соседи. Подойти означало присоединиться, а сделать этого он не мог. С одной стороны, было больно смотреть на ломящийся от яств стол, с другой – ему было стыдно и неловко есть чужие продукты, зная, что не сможет ответить тем же. Нужно было переключить внимание едоков на другую тему.

– Я теперь не безымянный. Меня Олег зовут!

– Да ты что? Вспомнил, что ли? – взорвался от чувств старик и бросился навстречу.

– Пока что не вспомнил, но мы с доктором решили, что это имя подходит мне больше всего.

– Вот так так... Безымянный умер! Да здравствует Олег! – выкрикнул дед и крепко пожал руку парня. – Ну, тогда давай знакомиться заново. Меня Алексей Михайлович зовут. Для тебя – дядя Леша. Этих оболтусов, – указывая пальцем на своих коллег по застолью, – кличут Мишкой и Петькой. – Событьльники кивнули Олегу, что-то промямлили полным от еды ртом. – Пожарника зовут Леня, а парализованного – Изя. Он еврей...

Последнюю фразу дядя Леша произнес тихо, шепотом. У него было такое выражение лица, как будто он делился страшной государственной тайной. Он специально подвел и задержал Олега у кровати инсультника, как будто это был последний живой еврей в Шатуре.

– Видал? Пятьдесят лет главным инженером на нашей электростанции работал. Его весь город знает! Уже месяц так лежит. Скоро выписывать будут.

– Как выписывать? – удивился Олег. – Он же больной! Его лечить надо.

– Тут больше месяца лежать нельзя – закон такой. Его на две-три недельки домой жена берет, а потом обратно в больницу на месяц. Он так уже больше года мается. Никаких улучшений. Как лежал бревном в прошлом году, так и сейчас лежит. Бог никак не приберет к себе.

– А что с Леной случилось?

– На тушении пожара сильно пострадал. Тут в мае торф сильно горел на болотах – неделю тушили. Так он в самый эпицентр пробрался и сам остановил распространение огня. Ну, конечно же, обгорел сильно. Его даже к ордену представили! Об этом в областной газете напечатано было. Теперь у нас в неврологии лежит, дожидается перевода в госпиталь МЧС. Говорят, совсем скоро переведут – деньги на взятку семья собрала. Я тоже помог – сто рублей дал!

– А у вас какая болезнь, дядь Леш? – поинтересовался Олег.

– У меня радикулит – самая благородная болезнь в отделении. Каждый год прихватывает, но в разное время. В этот раз посреди лета случилось. С работы шел, с электростанции, под дождь попал... Ну, а мне много и не надо. Скоро домой, уже почти не болит.

В дверь тихо постучали. Вошла Ольга в красивом летнем платье с открытыми плечами. У нее в руках были два огромных пакета. Поздоровавшись и быстро оценив обстановку в палате, она поманила Олега пальцем.

– Пойдем-ка со мной, я тебе кое-что принесла, – сказала она и, взяв под руку посещаемого, вышла с ним в коридор.

– Это тренировочные штаны и майки моего мужа. По-моему, тебе должно быть впору. Иди в палату и примерь, а я подожду тебя здесь. Грязные вещи, которые сейчас на тебе, сложи в этот пакет и принеси мне. Я постираю, зашью твою футболку и принесу обратно.

Олега еще с утра угнетало состояние его гардероба. Теперь, получив комплект свежего белья, можно было считать себя абсолютно счастливым человеком. Улыбка заиграла на его лице. С благодарностью приняв пакеты, из которых доносился запах свежести, он устремился в палату. В первом пакете, кроме брюк и футболок, оказались носки, трусы, банное и лицевое полотенца. Во втором – шампунь, гель для душа, мыло, мочалка, расческа, туалетная бумага и зубная щетка с пастой. Выложив это богатство на кровать, Олег взял все необходимое для водных процедур и вернулся в коридор.

– Ольга Викторовна! Вы не будете возражать, если я быстренько приму душ и после этого приду к вам?

– Иди, конечно! Я тебя подожду в соседнем крыле, – ответила довольная Ольга и указала рукой на полутемную часть отделения, располагающуюся за сестринским постом. Скинув с себя на пол, как ему казалось, пахнущую мужиком старую одежду, он вошел под теплые струйки душа. Задерживаться было нельзя – его ждали, поэтому процедура омовения была короткой, но очень продуктивной. Чисто вымытая голова и очищенное тело вернули ему чувство уверенности в себе. Одевшись в свежее и причесавшись, он безбоязненно взглянул на себя в маленькое зеркало душевой.

«Теперь и разговаривать с дамой не так стыдно!» – подумал Олег.

Сложив свои «лохмотья» в два пакета (чтобы не было резкого запаха), он покинул «обмывочную» и направился к Ольге.

– Присаживайся! – улыбчиво встретили его. – Ну как, не жмет? Все подошло?

– Спасибо огромное! Штаны как раз, а футболки с носками немножко жмут. Но это все ерунда, главное, что все это чистое!

– Ты очень высок и широк в плечах, с такими размерами всегда сложно. Из всех моих знакомых и родственников только у мужа близкий тебе размер. Так что терпи! Другого все равно не будет. Через пару дней верну твои вещи, тогда сможешь на улицу выходить безбоязненно. А в этом не ходи, не надо. Потерпи немного, нагуляешься еще. – Забрав грязное, она продолжила: – Так тебя теперь зовут Олег? Мне сестры рассказали.

– Да, мы с доктором решили... – Он сделал маленькую паузу. – Мне кажется, это мое имя.

– Отлично, Олег! Это уже первый шаг к выздоровлению. Так вот, после полученной у Елены Николаевны – у гипнотизерши – информации я отправила запросы по тебе в Москву, в сто восьмое отделение милиции, и в Московскую область – в Горки-10. Если тебя ищут, то там обязательно должны быть заявления твоих родных. Так что тебя очень скоро должны найти!

– А если не ищут? – поинтересовался Олег.

Ольга улыбнулась, взяла его за руку и, глядя прямо в глаза, ответила:

– Как это не ищут? Обязательно ищут. Я в этом просто уверена!

Так они просидели еще минут пятнадцать. Ольга поведала ему о тех розыскных мероприятиях, которые собирается еще провести. О помощи, которую с большой охотой оказывают ей Маша и Оксана. О Наташе, которая старается найти для него одежду подходящего размера. О том, что они думают о нем и помогают изо всех сил.

– Ну, мне пора домой, ужин моим мужчинам готовить. А это пакет для тебя. Тут фрукты, немного колбаски, сыр российский, хлебушек черненький и соки. Ешь, набирайся сил.

– Да ну, зачем? – заерзал Олег. – Вы и так для меня слишком много делаете! Я не могу это взять.

Ольга посмотрела на него таким взглядом, что он невольно отвел глаза и виновато наклонил голову.

– Если ты не возьмешь, я больше к тебе никогда не приду. Передам тебя майору Прохорову – будешь тогда знать! – сказала она, широко улыбнулась и пихнула пакет в его сторону.

Прощались они снова друзьями. Когда они пожимали друг другу руки, Ольга предупредила:

– Завтра часов в десять приедет капитан Селиванов на газике. Покажешь ему, где ты из леса вышел. В общем, покатаетесь. Может, чего вспомнишь или найдешь. Лишним точно не будет. А вечером я к тебе снова приду. Договорились? Ну, до завтра!

– До свидания, Ольга Викторовна. Спасибо вам большое! До завтра.

Вернувшись в палату, Олег застал компанию в том же составе и положении: застолье продолжалось, однако свободного места на столе прибавилось.

– Вот теперь можно и поужинать! – произнес Олег и вывалил на кровать все содержимое из продуктового пакета.

– Живем, мужики! – в один голос сказали Мишка с Петькой, потирая ладони.

– Перебьетесь! – грозно встрял дядя Леша. – Вам этого добра на один зуб, а парню здесь еще долго лежать. Ты себе бутербродов сделай на ужин, – обратился дед к Олегу, – а остальное в пакетик – и к сестричкам в холодильник. Слушай меня, я тебе дело говорю! Когда тебе еще передачку принесут?

Парочка бывших собутыльников, недовольно заворчав, накинулась на оставшуюся на столе еду. Дядя Леша с умилением наблюдал, как новый сосед уплетает сложные бутерброды с сыром и колбасой. Пришло время для его шуточек.

– Я тут подумал, мужики, и решил, что наш Олежка – никакой не террорист. Он разведчик или тайный агент. А потеря памяти – это реакция на пытки. Ну, посудите сами: у него ни документов, ни денег, ни памяти, а его к нам в больничку, а не в камеру. Потом носятся с ним, как с писаной торбой, одежду с хавчиком из спецфонда МВД, мыльце с шампунью... Точно: ни больше, ни меньше – спецагент! Так что теперь снова ножи на ночь прятать надо.

Все дружно засмеялись. Дед, довольный собой, встал, подошел к двери, посмотрел на часы и скомандовал:

– Шабаш, мужики! Пошли в столовую чемпионат мира смотреть! Скоро начнется, а нам еще женщин с их сериалами прогнать от телевизора надо.

* * *

Поездка с капитаном Селивановым не принесла ощутимых результатов. Место выхода Олега из леса было зафиксировано на карте и сфотографировано на камеру. Пешее углубление в чащу не сулило ничего хорошего. Со слов опытного оперативника, тропа, по которой им предстояло дойти до места пробуждения Олега по заданию руководства, шла через непроходимые топи, кишачие ядовитыми гадюками. И тот факт, что человеку в стрессовом состоянии, когда инстинкт самосохранения берет верх над разумом, повезло, не являлся гарантией успешности их миссии. Взамен этого плана Селиванов предложил свой – объехать на машине вокруг лесного массива. Через пару часов, высадив Олега у больницы, он с чувством выполненного долга отправился заниматься своими делами.

Вернувшись в палату, Олег обнаружил на своей кровати небольшой сверток.

– Книжки тебе принесли почитать, – отчитался дядя Леша. – Пока тебя не было, две девицы молоденькие приходили. Наглые такие – сразу видно, что из ментовки!

С появлением книг время пошло немного быстрее. Для Олега в отсутствие лечебных процедур и встреч с врачами – главных мероприятий для всех пациентов – основным досугом стали прогулки по парку, прилегающему к территории больницы. Темные от кроны высоких дубов и тополей аллеи, искусственный водоем с утками и парой лебедей, ровно подстриженные кусты по границам дорожек, недавно скошенная трава – все это вызывало у Олега приятное чувство спокойствия. Гуляя по парку, он каждый раз садился на разные лавочки и отдыхал: от неугомонного деда, от других жителей палаты, от запахов больницы, от страданий и слез женщин, ищущих в нем своих близких, от того маленького мирка, который окружал его в последние дни. Иногда читал принесенные ему книги, а иногда просто сидел с закрытыми глазами – так он дотягивал до обеда и возвращался в свою реальность.

Шли дни. Утром его навещали Маша с Оксаной, приносили гостинцы в виде овощей и ягод с собственных приусадебных участков, а ближе к шести приходила Ольга и подолгу рассказывала о новостях и событиях в городе и в стране, а вечером наступало время футбола по телевизору и баек дяди Леши.

Во время разговоров с Олегом Ольга затрагивала различные темы, пытаясь прояснить для себя его интеллектуальную целостность и уровень мышления. С удовольствием она подмечала, что Олег хорошо разбирался в политике и бизнесе. Он знал многие фамилии и названия компаний. Четко и правильно формулировал как общеизвестные законы и тезисы, так и редкие точки зрения, известные узкому кругу специалистов. Большое удивление у нее вызвало знание потеряшкой уголовного кодекса – вернее, разделов, связанных с экономическими и особо тяжкими преступлениями. Все это волновало и настораживало ее. Но особое беспокойство вызывали частые звонки и посещения людей, разыскивающих своих родственников. Трансляцию ролика с данными безымянного по телевизору пришлось прекратить сразу же после случая с гостем из Подольска, который чуть не увез Олега.

Он явился под вечер, когда ни врачей, ни сотрудников розыскного отдела не было на месте. Встретившись с Олегом у входа в корпус, мужчина обратился к нему.

– Это ты тот самый, который из леса без памяти вышел?

– Да, я.

– Можно с тобой переговорить? Давай отойдем в сторонку.

– Переговорить? Пожалуйста! Но отходить далеко от отделения мне нельзя.

– Окей! Меня зовут Игорек. У меня сестра живет в Подольске. У нее муж пропал неделю назад: ушел из дома и не вернулся. Я сам с ним не знаком, но по описанию сеструхи ты на него очень похож! Может быть, когда я тебе ее фотку покажу, ты ее вспомнишь? – и, не дожидаясь согласия Олега, достал телефон и показал на экране лицо молодой и симпатичной женщины.

– Нет, совсем не узнаю, – расстроено ответил Олег.

– Ну, тут видно не очень хорошо... Слушай, а давай я тебя к ней отвезу? Может быть, когда ты ее увидишь вживую, тогда и узнаешь? Или она тебя?

– А если мы друг друга не признаем?

– Мне почему-то кажется, что она тебя точно узнает! Ну, а не узнает – там решим! Останешься у нее жить. Или я тебя к себе возьму. Я вижу, ты мужик хороший, правильный! В домашней обстановке-то по любому лучше, чем на больничных харчах. Поехали, а?

Предложение действительно было заманчивым. Сроки, когда его должны были найти, объявленные Ольгой, уже прошли. Хотелось начать действовать самостоятельно. Утверждение, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», становилось для него лозунгом. Единственное, что останавливало – это обещание, данное Ольге Викторovне, не покидать ни с кем больницу без согласования с ней.

– Вы в милиции договоритесь обо всем, и тогда я поеду с вами с большим удовольствием.

– Зачем нам эта милиция? Если ты хочешь, то поехали со мной. Не надо никого спрашивать!

– Нет! Я так не могу. Да и не отпустят меня из больницы. Нет! Пускай сестра сама приезжает и смотрит на меня. Так будет правильно!

Игорек продолжал настаивать, используя все более изысканные ухищрения, и, скорее всего, добился бы своего, если бы не медсестра, вышедшая на перекур. Заметив постороннего рядом с Олегом и памятуя о наставлениях заведующей, она решила подойти к мужчинам ближе. Заметив ее, Игорек быстро свернул беседу и ретировался со словами:

– Я сделаю именно так, как ты говоришь. Сперва переговорю в милиции, а потом за тобой вернусь.

Когда сестричка приблизилась к Олегу, его собеседник уже достиг быстрым шагом ограды больницы. Они продолжали провожать его взглядами, пока он не скрылся в большом черном джипе. Машина с визгом сорвалась с места, уносясь в противоположном от здания милиции направлении.

– Завтра обо всем расскажешь Елене Николаевне! – взволнованно сказала медсестра и, взяв Олега под руку, сопроводила до палаты, передав там под опеку дяди Леша.

* * *

«Нечасто выпадают такие спокойные субботние вечера, – подумала Ольга и вжалась в кресло. Она уже много раз меняла позу, но никак не могла усесться. Наконец-то ей это удалось. – Теперь можно тупо упереться в телевизор и в обнимку с пультом дожидаться ночи, – продолжала мечтать она. – Ничто в этой жизни не заставит меня пошевелиться. Я тоже имею право на отдых!»

После генеральной уборки квартиры, посещения рынка и магазинов она успела приготовить обед на несколько дней, постирать и погладить. И вот, совсем без сил и без желания что-либо делать, она мечтала только об одном – о спокойствии. Домашние, чувствуя, что точка кипения их дамы уже близка, скрылись в других комнатах. И когда зазвонил телефон и женский голос попросил пригласить хозяйку, Ольгины мужчины долго совещались и бросали жребий, кому заходить в вольер. Пошел самый младший. Он был маминым любимчиком, поэтому шансов остаться в живых у него было больше.

– Мам! Тебя там к телефону. Маша какая-то. Говорит, с работы. Срочно! Сказать, чтобы завтра позвонила?

Ольга закатила глаза и, еле сдерживаясь, тихо ответила сыну:

– Принеси мне трубку с базы. Я поговорю.

Не меняя позы и только приглушив звук телевизора, она поместила телефонную трубку между плечом и ухом, ответила:

– Аллю? Я слушаю.

– Ольга Викторовна, добрый вечер! Это Маша. Извините, что беспокою вас в неурочное время, но я до понедельника не дотерплю.

– Что случилось? – по-прежнему тихим голосом спросила Ольга.

– Вы знаете, что сегодня в парке Олег учудил? – громким взволнованным голосом поинтересовалась Маша.

– Нет! А что случилось?

Она уже не сидела в полузабытьи в кресле и не мечтала о тихом домашнем счастье. Забыв о боли в ногах, усталости и своем решении расслабиться, Ольга была вся в разговоре.

– Сегодня вечером в парке концерт. Ну, и руководство направило на поддержание порядка от нашего отдела Наташку. Она по всей форме, с пистолетом – в общем, красивая. Я и Оксанка пошли ее провожать до парка, а по дороге решили зайти к Олегу. Он уже привык, что вы с ним по вечерам разговоры разговариваете, ну, вот мы решили, пока вы хозяйством занимаетесь, его поразвлекаем сегодня. Приходим в больницу, а нам говорят, что его нет, что

он в парк пошел. Суббота, день хороший. Всех ходячих на выходные по домам отправили. Он грустил – его в парк и отпустили.

– Машенька! Не тьяни, пожалуйста. Рассказывай, что случилось! – взмолилась Ольга.

– Ну, нашли мы его в парке. Он у пруда на лавочке сидел, книжку читал. Разговорились. А он все на пистолет Наташкин косится. Она заметила и спрашивает его: «Что, знакомая вещь?» Он отвечает: «Да! Очень. А можно посмотреть?» Она достает пистолет из кобуры и отдает ему без зазрения совести, прямо с полной обоймой. Мы даже моргнуть не успели!

Ольгу пробил холодный пот, разволновавшись у нее перехватило дыхание. Она даже не могла попросить Машу рассказывать быстрее и просто слушала, дожидаясь развязки.

Маша продолжала:

– Он в мгновение вынул магазин из основания рукоятки, разобрал пистолет, а потом собрал его обратно. По всем правилам! С контрольным выстрелом в землю и так далее. Вы сами знаете, что при сборке, а особенно при разборке есть свои тонкости и секреты. Так он их все знает! А потом его Наташа спрашивает: «А ты только макарова³ можешь так или еще какой пистолет?» А он отвечает: «Могу ТТ⁴, пистолет-пулемет Стечкина, «Вальтер»⁵, «Глок»⁶» – и еще пару-тройку названий, которых я даже не слышала никогда. Вы представляете себе, Ольга Викторовна? Вот так Олег!

Ольга глубоко вздохнула и задержала дыхание. Таким образом она пыталась успокоиться, но голос все равно выдавал ее.

– Машенька! Слушай меня очень внимательно! Запомни сама и передай немедленно девочкам. Все, о чем ты мне сейчас рассказала, не надо никому больше передавать. А самое главное – не докладывайте руководству. До поры до времени это должно оставаться нашей тайной. Ты меня хорошо поняла?

Такой взволнованный голос Ольги Викторовны Маша слышала впервые. Только сейчас она начала понимать всю серьезность и опрометчивость их поступка.

– Мы все сделаем правильно, Ольга Викторовна, – дрожащим голосом ответила Маша. – Не волнуйтесь! Мы за вас! Мы все для вас сделаем, только скажите.

– Спасибо, Машенька. Тогда давайте завтра с утра встретимся и все еще раз обсудим. И у меня к вам просьба. Необходимо кому-то из вас отвести Олега и показать ему наш вокзал: может, что узнает или вспомнит. А я его часиков в одиннадцать забрала бы у вас в районе церкви. Только надо так сделать, чтобы его особо по улицам не светить, а то он у нас в городе уже популярнее, чем мэр.

– Так Наташка завтра выходная после дежурства на концерте. У них и машина есть своя. Я ее попрошу, они с мужем заберут его из больницы, а потом вам с рук на руки передадут.

Концовка разговора обрадовала Ольгу, и, положив трубку, она тихо сказала сама себе:

– Эти милые девочки – единственное чистое и неиспорченное, что есть в нашей милиции. И это хорошо.

* * *

После воскресного завтрака Олег засобирился в облюбованный им парк, но медсестра властно остановила его, предупредив, что скоро за ним приедут из милиции и заберут на прогулку по городу. Ждать пришлось недолго. Прямо к подъезду отделения подкатила серая

³ Советский самозарядный пистолет, разработанный советским конструктором Н. Ф. Макаровым в 1948 году.

⁴ Самозарядный пистолет, разработанный советским конструктором Ф. В. Токаревым в 1930 году.

⁵ Немецкий самозарядный пистолет калибра 9х19 мм.

⁶ Семейство пистолетов, разработанных фирмой Glock для нужд Вооруженных сил Австрии.

«десятка» жигулей, из окна которой махала рукой улыбочивая Наташа. Олег сел на переднее пассажирское сиденье.

Мужчина за рулем представился:

– Меня зовут Вадим. Я Наташин муж.

– Олег. Очень приятно! Здравствуй, Наташа.

– Привет, Олег! – поздоровалась девушка. – У нас к тебе предложение. Как ты смотришь на то, что мы с тобой немного покатаемся по городу?

– Я с удовольствием! А что мне надо будет делать?

– А ты смотри по сторонам внимательно, – начала инструктаж Наташа. – Может быть, что-то покажется знакомым или любопытным. Ты тогда сразу говори. Мы остановимся, подойдем и осмотрим поближе интересующий тебя объект. Договорились?

– Хорошо. Я готов, – ответил Олег и пристегнулся ремнем безопасности, чем вызвал улыбку у Вадима.

Экскурсия по городу была короткой, но интересной. Памятники Ленину, женщине-торфянице и героям войны, муниципальные и жилые здания не заинтересовали Олега. Он обращал внимание на многочисленные помещения с игровыми автоматами. Они носили вызывающие названия – «Вулкан», «Миллион» – и были подсвечены разноцветными яркими фонариками и прожекторами. Единственный банкетный зал в городе и ресторан «Медведь» также запомнились Олегу и не остались без комментариев Вадима с Наташей. Визит на железнодорожный вокзал и автобусную станцию не вызывал никаких ассоциаций или воспоминаний, но расширил кругозор. Теперь он представлял устройство города и мог безбоязненно переносить свои прогулки из парка на улицы Шатуры.

– А это городской рынок, – подводила к концу рассказ о населенном пункте Наташа. – Это наша самая большая головная боль! Большинство преступлений связаны именно с этим рынком: карманные кражи, бандитизм, рэкет, экономические преступления и мошенничество. В прошлом году даже убийство было!

Напротив рынка стояла небольшая церквушка с двумя золотыми куполами и звонницей. Своим размером она словно подчеркивала, что в маленьком городке и приход невелик. Деревянные стены из оцилиндрованного бруса покоились на основательном железобетонном фундаменте. Из зеленой металлочерепицы была сделана сложная ломаная крыша. Тройные стеклопакеты с деревянными рамами и металлическая входная дверь – все это выдавало современность постройки, при этом от нее несло за версту стариной. Талант архитектора был налицо. А звучное название «Храм Новомучеников и Исповедников Шатурских» должно было усиливать эффект значимости данной постройки для горожан.

У входа экскурсантов дождалась Ольга. Поздоровавшись со всеми, она приняла доклад от Наташи и с благодарностью отпустила молодую пару заниматься семейными делами. Оставшись с Олегом наедине, она надела на голову косынку, перекрестилась три раза, взяла его за руку и повела за собой внутрь храма.

– Батюшка! Это Олег. Я вам о нем рассказывала.

Отец Владимир был мужчиной средних лет. Статный, высокий и широкоплечий, он больше походил на хоккеиста, чем на священнослужителя. Облаченный в черную рясу, с увесистым крестом на груди, светлой окладистой бородой и проникновенными голубыми глазами – таким он предстал перед Олегом. Его добрая улыбка располагала собеседника к откровениям, а бархатный голос хотелось слушать и внимать ему.

– Пойдем со мной, – сказал отец Владимир и подвел Олега к алтарю. – Ты знаешь, кто это? – спросил он, указывая на икону.

Сделав паузу, необходимую для изучения предмета вопроса, Олег поспешил ответить:

– Это Иисус Христос – сын Божий, который воскрес из мертвых около двух тысяч лет тому назад.

– Правильно. Молодец, Олег. Вот именно, сын Божий! – благосклонно оценил знания молодого человека батюшка. – А умеешь ли ты молиться? Знаешь ли хоть одну молитву?

– Нет, к сожалению, не помню. Я даже не могу вам сказать, верующий я или нет.

– Любой человек является верующим, только некоторые еще об этом не знают! – Отец Владимир достал из кармана маленький серебряный крестик на веревочке. – Я хочу сделать тебе подарок, – повесив его на шею Олегу, сказал священник. – Теперь ты можешь помолиться!

– Спасибо вам большое! – поблагодарил Олег. – Но, как я вам уже говорил, я не умею молиться.

– Что такое молитва? Это просьба, обращенная к Господу нашему. А чтобы просить, умения или знания не требуется, кроме одного – того, что ты хочешь просить. Иди и молви! И да услышит тебя Господь! – произнес отец Владимир и, перекрестив, благословил Олега.

Рядом, у иконы Богородицы, молилась Ольга. Тихим, еле разборчивым шепотом она просила здоровья для своих детей и мужа, милости для нее и помощи для Олега. Всматриваясь в лики святых, Олег раздумывал над тем, чего он хочет. Не найдя ответа, он произнес про себя: «Господи! Я не знаю, за что или за кого мне помолиться. У меня нет к тебе просьб. Я прошу тебя только об одном: услышь эту женщину, что молится рядом со мной, и помоги ей. Это будет для меня лучшей наградой!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.